

РИЧАРД
РЭНГЕМ ПАРАДОКС
ДОБРОДЕТЕЛИ

Странная история взаимоотношений
нравственности и насилия в эволюции человека

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

ОТ АВТОРА КНИГИ
“ЗАЖЕЧЬ ОГОНЬ.
КАК КУЛИНАРИЯ
СДЕЛАЛА НАС ЛЮДЬМИ”

Corpus

ЭЛЕМЕНТЫ 2.0

Элементы 2.0

Ричард Рэнгем

Парадокс добродетели

«Издательство АСТ»

2019

УДК 159.92
ББК 88.37

Рэнгем Р.

Парадокс добродетели / Р. Рэнгем — «Издательство АСТ»,
2019 — (Элементы 2.0)

ISBN 978-5-17-119869-5

Ричард Рэнгем, приматолог и антрополог, специалист в области эволюции приматов, профессор Гарвардского университета, подробно и доступно разбирает научную дискуссию по важнейшим вопросам: почему людям, представителям единого биологического вида, свойственны одновременно и удивительная доброта, и немыслимая жестокость; как эти качества, порой выходящие далеко за пределы здравого смысла, появились и закрепились в ходе эволюционной истории человечества; откуда у нас нравственные чувства, понятия о добре и зле; и главное — обречены ли мы своим эволюционным парадоксом на вечную угрозу насилия. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.92
ББК 88.37

ISBN 978-5-17-119869-5

© Рэнгем Р., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Введение. Добродетель и жестокость в эволюции человека	8
Глава 1. Парадокс	15
Глава 2. Два типа агрессии	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ричард Рэнгем
Парадокс добродетели. Странная история
взаимоотношений нравственности
и насилия в эволюции человека

Посвящается Элизабет

© 2019 by Richard Wrangham

© С. Долотовская, перевод на русский язык, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Издательство CORPUS ®

18+

Предисловие

Если бы в начале моей карьеры мне сказали, что через пятьдесят лет я напишу книгу о людях, я бы очень удивился. В 1970-х годах мне выпала честь быть аспирантом в проекте Джейн Гудолл по изучению шимпанзе в Танзании.

Целыми днями наблюдать за человекообразными обезьянами в их естественной среде обитания – что могло быть лучше? Больше всего на свете я мечтал изучать поведение животных и в 1987 году основал свой собственный проект по изучению диких шимпанзе в Национальном парке Кибале в Уганде.

Однако идиллию моих исследований нарушили удивительные открытия, которые трудно было игнорировать. Время от времени шимпанзе проявляли вспышки исключительной жестокости. Чтобы понять эволюционное происхождение такого поведения, я решил сравнить шимпанзе с их ближайшими родственниками, бонобо. В 1990-х годах как раз начинались интенсивные исследования бонобо. Оказалось, что шимпанзе и бонобо составляют любопытную пару: бонобо гораздо более миролюбивы по сравнению с относительно агрессивными шимпанзе. В ходе работы над множеством совместных проектов, которые я описываю в этой книге, – в первую очередь проектов с Брайаном Хейром и Викторией Уоббер, – мы с коллегами пришли к выводу, что бонобо произошли от шимпанзеподобного предка в ходе процесса, который сильно напоминал одомашнивание. Мы назвали этот процесс “самоодомашниванием”. И поскольку человеческое поведение часто сравнивают с поведением одомашненных животных, открытия, сделанные при изучении бонобо, помогли нам лучше понять эволюцию человека. Важнейшее свойство человека заключается в том, что в пределах наших социальных групп мы проявляем очень низкую склонность к конфликтам: по сравнению с большинством диких животных мы весьма толерантны.

При этом я прекрасно понимал, что люди, настолько миролюбивые в некоторых отношениях, во многом остаются очень агрессивным видом. В 1996 году в книге “Демонические самцы: человекообразные обезьяны и истоки людской жестокости” мы с Дейлом Питерсоном объяснили сходство механизмов агрессии у человека и шимпанзе с эволюционной точки зрения. Трудно отрицать, что жестокость – неотъемлемое свойство человеческих сообществ, и эволюционные теории, объясняющие ее происхождение, вполне убедительны. Но как примирить наши “одомашненные” черты с той невероятной жестокостью, на которую способен человек? Этот вопрос не давал мне покоя в течение следующих двадцати лет.

Разгадка парадокса, которую я привожу в этой книге, заключается в том, что наша социальная терпимость и наша агрессивность на самом деле не так сильно противоречат друг другу, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что эти типы поведения основаны на разных типах агрессии. В основе нашей социальной толерантности лежит относительно низкая склонность к реактивной агрессии. А жестокость, делающая человека таким смертоносным видом, основана на проактивной агрессии. В этой книге я впервые расскажу, как в человеке слились эти два свойства: низкая склонность к реактивной агрессии и высокая склонность к проактивной агрессии. Эта история уведет нас в глубины антропологии, биологии и психологии – и в будущем, несомненно, пополнится новыми данными. Но я уверен, что уже сейчас она прольет новый свет на эволюцию нашего поведения и нравственности – а также поможет ответить на волнующий вопрос, как и почему вообще возник наш вид, *Homo sapiens*.

Многие данные, приведенные в книге, появились настолько недавно, что пока опубликованы только в научных статьях. Здесь я хочу сделать эти насыщенные научными терминами публикации более доступными. Эта история рассказана человеком, который наблюдал за повседневной жизнью шимпанзе по всей Восточной и Центральной Африке. Тех из нас, кому посчастливилось проводить целые дни наедине с шимпанзе, как будто овевал плейстоценовый

ветер. Романтика былого – история наших предков – волнует нас всех, и будущим поколениям, ищущим истоки современного мышления в глубине времен, предстоит разгадать еще много загадок. Более глубокое понимание истории и природы человека станет нам не единственной наградой. Мечты, навеянные африканским ветром, также помогут нам более уверенно смотреть в будущее – если только мы откроем наш разум мирам, лежащим за пределами тех, которые мы так хорошо знаем.

Введение. Добродетель и жестокость в эволюции человека

Адольф Гитлер, по чьему приказу были убиты около восьми миллионов человек и на чьей совести лежит смерть еще многих миллионов, был, по словам его секретарши Траудль Юнге, приятным и дружелюбным человеком с мягким характером. Гитлер не выносил жестокого обращения с животными: он был вегетарианцем, обожал свою собаку Блонди и был безутешен, когда она умерла.

За время правления камбоджийского лидера Пол Пота погибло около четверти населения его страны. Знакомые помнили его как учтивого и добродушного учителя французской истории.

Все восемнадцать месяцев, проведенных в тюрьме, Иосиф Сталин вел себя на удивление спокойно, никогда не кричал и не ругался. Он был образцовым заключенным и совсем не походил на человека, который позже уничтожит миллионы людей из соображений политической выгоды.

По-настоящему жестокие люди могут обладать и хорошими чертами. Поэтому мы стараемся не сопереживать их доброте, опасаясь, что тем самым мы как будто рационализируем или оправдываем их преступления. Однако подобные люди хорошо иллюстрируют любопытную особенность нашего вида. Мы не только самые умные из всех животных. В нас также самым удивительным и непостижимым образом сочетаются противоположные моральные качества. Мы одновременно и самый жестокий вид, и самый добрый.

В 1958 году драматург и композитор Ноэл Кауард довольно точно описал эту странную двойственность. Он пережил Вторую мировую войну и был хорошо знаком с темной стороной человеческой природы. “Учитывая врожденную глупость человечества, его жестокость и склонность к суевериям, – писал он, – трудно понять, каким образом ему удалось продержаться так долго. Охота на ведьм, пытки, наивность, массовые убийства, нетерпимость, вся тщетность того, что люди делают на протяжении многих столетий, совершенно не вызывает доверия к человечеству”¹.

И все же гораздо чаще мы совершаем удивительные поступки, не имеющие отношения к “глупости, жестокости и склонности к суеверию”, а, наоборот, основанные на благоразумии, доброте и кооперации. Именно эти наши качества, в сочетании с интеллектом, делают возможными те технологические и культурные чудеса, которые отличают наш вид от других. Примеры, приведенные Кауардом, актуальны и сегодня:

Мы вынимаем сердце из груди человека, мертвое сердце, и после некоторых манипуляций снова вставляем его обратно, работающее как новенькое. Мы покоряем небеса. По небу вокруг Земли кружатся спутники, которыми мы управляем и которые мы контролируем... и вчера в Лондоне была премьера “Моей прекрасной леди”.

Операции на сердце, космические полеты и оперетты – все это основано на прогрессе, который изумил бы наших далеких предков. Однако с эволюционной точки зрения важнее то, что все это основано еще и на нашей исключительной способности работать в команде, а именно на терпимости, доверии и понимании. Именно благодаря подобным качествам наш вид считается таким “хорошим”.

Иными словами, самая большая странность человека – это его огромный моральный диапазон, включающий в себя как неописуемую порочность, так и поразительную щедрость. С биологической точки зрения такое многообразие реакций объяснить очень трудно. Если мы эволюционно приспособлены быть хорошими, то почему мы настолько плохие? А если мы эволюционно приспособлены быть безнравственными, то как же мы можем быть настолько великодушными?

Такое сочетание добродетели и порока свойственно не только современному человеку. И поведение доживших до современности охотников-собирателей, и данные археологии указывают на то, что уже сотни тысяч лет назад люди делились друг с другом пищей, практиковали разделение труда и помогали нуждающимся. Во многих отношениях наши жившие в плейстоцене предки были толерантными и миролюбивыми. Однако те же самые данные показывают, что также наши предшественники занимались грабежом и половым доминированием и применяли пытки и казни разной степени жестокости, по гнусности сравнимые с преступлениями нацистов. Сегодня нам уже очевидно, что способность к чрезвычайной жестокости и насилию характерна не только для какой-то одной группы людей. По самым разным причинам одно общество может существовать исключительно мирно на протяжении многих десятков лет, а другое – переживать одну вспышку насилия за другой. Это совсем не означает, что у людей из разных эпох и частей света есть какие-то врожденные психологические различия. Судя по всему, повсюду люди одинаково склонны и к добродетели, и к насилию.

Такая же двойственность заметна и в детях. Еще не научившись говорить, маленький ребенок может улыбаться, смеяться и даже предлагать помощь взрослым – поразительная иллюстрация врожденной человеческой склонности доверять окружающим. Однако при других обстоятельствах те же самые великодушные малыши, желая добиться своего, будут орать и закатывать истерики, проявляя невероятную степень эгоцентризма.

Существует два классических объяснения этого парадоксального сочетания самоотверженности и эгоизма. Оба объяснения исходят из того, что наше социальное поведение в основном определяется биологией. Оба также сходятся в том, что только одна из этих двух ключевых тенденций появилась в результате генетической эволюции. Отличаются же они тем, какую именно сторону нашей личности считают фундаментальной: добродушие или агрессивность.

Первое объяснение предполагает, что толерантность и добродушие – неотъемлемые свойства человечества. Согласно этой идее, мы добродетельны по сути своей, но подвержены дурному влиянию, что и мешает нам жить в вечном мире. Некоторые религиозные мыслители возлагают вину за такое положение дел на сверхъестественные силы вроде дьявола или “первородного греха”. Некоторые светские философы, напротив, считают, что зло коренится в общественных силах, таких как патриархат, империализм или неравенство. Так или иначе, предполагается, что рождаемся мы добродетельными, но в течение жизни подвергаемся пагубному влиянию разрушительных сил.

Согласно второму объяснению, врожденной является наша плохая сторона. Мы рождаемся эгоистичными и склонными к соперничеству и такими бы и оставались, если бы не облагораживающее влияние цивилизации – к примеру, наставления родителей, философов, священников и учителей или уроки, которые мы извлекаем из собственной истории.

На протяжении многих веков люди стремились упростить запутанный мир, принимая один из этих двух противоположных взглядов. Жан-Жак Руссо и Томас Гоббс – классические представители альтернативных позиций. Руссо выступал за то, что человечество по природе своей добродетельно, а Гоббс – за то, что человечество по сути своей безнравственно².

В каждой позиции есть своя правда. Есть много данных, говорящих в пользу того, что люди от рождения склонны к доброте, – точно так же, как и в пользу того, что мы самопроизвольно испытываем эгоистичные чувства, ведущие к агрессии. И еще никому не удалось дока-

зять, что какая-то из этих двух тенденций более значима с биологической точки зрения или более важна с точки зрения эволюции.

Как только в этот спор вмешивается политика, его становится еще труднее разрешить. Ведь когда абстрактные теоретические аргументы превращаются в доводы, имеющие общественное значение, обе стороны еще упорнее стоят на своем. Если вы руссоист и убеждены в неотъемлемой добродетели человечества, вы, скорее всего, придерживаетесь пацифистских принципов, боретесь за социальную справедливость и верите в народные массы.

Если же вы последователь Гоббса, то при ваших циничных взглядах на человеческую природу вы, вероятно, выступаете за необходимость социального контроля, одобряете иерархию и принимаете неизбежность войн. Спор, таким образом, выходит за рамки биологии и психологии и превращается в дебаты об общественных движениях, политических структурах и моральных устоях. И шансы найти простое решение, соответственно, сходят на нет.

Я считаю, что из бесконечных споров о фундаментальных основах человеческой природы есть выход. Вместо того чтобы пытаться доказать неправоту одной из сторон, нам нужно спросить себя, имеет ли вообще смысл спорить. Ответ подсказывают маленькие дети: и последователи Руссо, и последователи Гоббса в известной мере правы. В нас есть и природная доброта в понимании Руссо, и природная эгоистичность в понимании Гоббса. В каждом человеке заложено и добро, и зло. Эти противоречивые стороны нашей личности определяются биологией и модифицируются обществом. Добродетель может быть приумножена или подавлена, точно так же как эгоистичность может быть усилена или ослаблена.

Стоит только признать, что мы одновременно и хорошие, и плохие от природы, как на смену старому бесплодному спору приходят новые захватывающие проблемы. Если и руссоисты, и гоббсовцы по-своему правы, то откуда взялось это странное сочетание поведенческих тенденций? На примере других видов, особенно птиц и млекопитающих, мы знаем, что естественный отбор может поддерживать самые разнообразные склонности. Некоторые виды не очень склонны к конкуренции, другие относительно агрессивны, третьи проявляют оба этих свойства, четвертые ни одного. Странность человека заключается в том, что в обычных социальных взаимодействиях мы чрезвычайно спокойны, но при этом в некоторых обстоятельствах становимся настолько агрессивными, что легко идем на убийство. Как же так получилось?

Эволюционные биологи следуют принципу, который в 1873 году четко сформулировал генетик Феодосий Добжанский в докладе для Национальной ассоциации преподавателей биологии: “Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции”. Впрочем, по поводу того, как именно должна применяться эволюционная теория, до сих пор ведутся споры. Ключевой вопрос этой книги: каково значение поведения приматов?

Согласно традиционным представлениям, умственное развитие животных и человека отличается настолько сильно, что изучать приматов для понимания человеческой природы бессмысленно³. Томас Генри Гексли был первым эволюционным биологом, усомнившимся в этой позиции. В 1863 году он писал, что, изучая человекообразных обезьян, мы можем очень многое узнать об истории поведения и мышления человека: “Я постарался показать, что никакой абсолютной структурной демаркационной линии... нельзя провести между миром животных и человеком”. Гексли был готов к возражениям оппонентов: “Со всех сторон раздадутся крики: “Сила знания – мораль добра и зла, – хрупкая нежность человеческих привязанностей поднимают нас над любым родством с грубым зверьем”⁴. Такое скептическое отношение вполне можно понять, и оно до сих пор не полностью исчезло. В 2003 году эволюционный биолог Дэвид Бараш писал: “Что касается поведения, то весьма маловероятно, что люди унаследовали от приматов хоть какие-то значительные признаки”⁵.

Кроме того, огромное количество поведенческих особенностей определяется культурой. Одно сообщество может быть миролюбивым, другое воинственным. В одном сообществе принадлежность к клану передается по женской линии, а в другом по мужской. Одно сообщество имеет строгие правила полового поведения, а другое в этом отношении толерантно. Разнообразие подчас кажется настолько огромным, что неясно, можно ли вообще привести его к общему знаменателю для сравнения с другими видами. Антрополог Роберт Келли, составивший подробный обзор поведения охотников-собирателей, отказался от идеи, будто поведение человека можно охарактеризовать каким-то единым образом. “Не существует типичного человеческого сообщества или базовой человеческой адаптации, – писал он в 1995 году. – Универсальное поведение... никогда не существовало”⁶.

Если коротко: идея, будто поведение человека так бесконечно разнообразно, что у нашего вида нет никаких характерных черт, сближающих нас с другими приматами, кажется вполне разумной. Однако против нее есть два веских довода.

С одной стороны, вариативность человеческого поведения не бесконечна. На самом деле у нас есть характерные типы сообществ. Не существует людей, которые жили бы стадами, как павианы, отдельными гаремами, как гориллы, или полностью промискуитетными сообществами, как шимпанзе или бонобо. Человеческие сообщества образованы семьями, которые объединяются в группы, формирующие, в свою очередь, более крупные союзы. Такая структура характерна для нашего вида и отличает его от других видов.

С другой стороны, поведение людей и приматов и правда во многом сходно. Эволюционист Чарльз Дарвин одним из первых обратил внимание на сходство в выражении эмоций у человека и других животных: и у тех и у других наблюдается “поднимание волос дыбом под влиянием крайнего ужаса или демонстрация оскала при неистовой ярости”. Такая “общность определенных выражений, – писал он, – становится несколько более понятной, если мы признаем их происхождение от общего прародителя”⁷¹.

Тот факт, что мы улыбаемся и хмуримся так же, как и наши родственники-приматы, интересен сам по себе, но даже он меркнет по сравнению с тем, что мы начали узнавать о поведении шимпанзе и бонобо в 1960-х годах и продолжаем узнавать до сих пор. Шимпанзе и бонобо – самые близкие родственники человека среди человекообразных обезьян, и нас связывает одинаковая степень родства. Они составляют феноменальную пару. Внешне они настолько похожи друг на друга, что в течение многих лет их считали одним видом. В поведении каждого из этих двух сестринских видов есть множество общих черт с поведением человека. Но при этом во многих отношениях социальное устройство шимпанзе и бонобо диаметрально противоположно.

У шимпанзе самцы доминируют над самками, а насилие встречается относительно часто. У бонобо самки часто доминируют над самцами, насилие встречается редко, а эротизм обычно замещает агрессию. Различия в поведении этих двух видов подозрительно переключаются с двумя конкурирующими социальными позициями современного человеческого мира: несовпадением мужских и женских интересов, например, или борьбой между иерархией, конкуренцией и силой, с одной стороны, и эгалитаризмом, толерантностью и решением конфликтов путем переговоров – с другой. Шимпанзе и бонобо олицетворяют настолько противоположные представления о базовой человекообразной обезьяне, что их противопоставление стало чем-то вроде поля битвы в приматологии, где каждая из противоборствующих школ настаивает на том, что именно ее вид лучше подходит на роль предков человека. Как мы увидим ниже, идея, будто только один вид – либо шимпанзе, либо бонобо – стоит у истоков нашего поведения, не очень конструктивна. Интереснее было бы понять, почему оба вида так похожи на человека, но

¹ Цит. по: Чарльз Дарвин. *О выражении эмоций у человека и животных*. СПб.: Питер, 2001. Перевод под ред. Е. Павловского.

каждый по-своему. Контрастность поведения шимпанзе и бонобо перекликается с основным вопросом, волнующим меня в этой книге: почему люди одновременно очень толерантны, как бонобо, и крайне жестоки, как шимпанзе?

В главе 1 мы начнем разбирать этот вопрос, изучая поведенческие различия между людьми, шимпанзе и бонобо. Многолетние исследования показывают, как могут эволюционировать видовые различия агрессии. Раньше агрессивность считалась “одномерным” качеством, уровень которого может меняться от низкого к высокому. Но сегодня мы знаем, что агрессия бывает не одного, а двух основных видов и каждый из них имеет собственную биологическую основу и эволюционную историю. Как я покажу в главе 2, люди явно дуалистичны в отношении агрессии. Мы находимся в нижней части одной шкалы (реактивной агрессии) и в верхней части другой (проактивной агрессии). Реактивная агрессия – это агрессия “горячего” типа, когда выходят из себя и набрасываются на обидчика. Проактивная агрессия – это агрессия “холодного” типа, продуманная и спланированная заранее. Поэтому основной вопрос моей книги превращается в два вопроса: почему мы настолько лишены реактивной агрессии и настолько искусны в проактивной? Ответ на первый поможет понять происхождение нашей добродетели, а ответ на второй объяснит, откуда взялась наша жестокость.

Низкая склонность к реактивной агрессии лежит в основе нашей относительной добродетельности и толерантности. Толерантность редко встречается среди диких животных, по крайней мере в той радикальной форме, которая характерна для человека. Однако она свойственна одомашненным животным. В главе 3 я расскажу, что объединяет одомашненных животных и человека, и объясню, почему все больше ученых полагают, что современного человека можно считать одомашненной версией ранних людей.

Одна из замечательных особенностей биологии одомашненных животных заключается в том, что ученые обнаруживают у них все больше загадочных признаков, общих для многих неродственных видов. Почему, например, у кошек, собак и лошадей, в отличие от их диких родственников, часто встречаются белые пятна? В главе 4 я расскажу о новых теориях, связывающих эволюцию подобных физических признаков с изменениями в поведении. Количество таких признаков у человека позволяет считать его одомашненным видом. Однако эта догадка, появившаяся у ученых еще двести лет назад, поднимает новый вопрос. Если человек и правда одомашненный вид, то как так получилось? Кто мог нас одомашнить?

Ответ подсказывают бонобо. В главе 5 я привожу свидетельства того, что бонобо, как и люди, имеют много черт одомашненного вида. Ясно, что бонобо одомашнили не люди. Это произошло естественным образом без вмешательства человека. То есть бонобо, судя по всему, претерпели процесс самоодомашнивания. Такая эволюционная трансформация, по-видимому, широко распространена среди диких видов. И если это так, то нет ничего исключительного в самоодомашнивании предков человека. Поэтому в главе 6 я привожу данные, говорящие в пользу того, что синдром одомашнивания наблюдался у *Homo sapiens* с момента формирования этого вида около 300 тысяч лет назад. Гипотез, объясняющих причины происхождения *Homo sapiens*, на удивление мало. Как станет понятно из этой главы, даже самые недавние палеоантропологические теории не пытаются ответить на важный вопрос, почему отбор поддержал формирование относительно толерантного, миролюбивого вида с низкой склонностью к реактивной агрессии.

В целом вопрос, как происходит самоодомашнивание, остается открытым, и, скорее всего, для каждого вида ответ будет разным. Ключ к разгадке в каждом случае кроется в том, что именно мешает агрессивным особям доминировать над другими. У бонобо агрессивных самцов сдерживают в основном объединенные усилия самок. Поэтому вероятно, что в основе самоодомашнивания бонобо лежала способность самок наказывать излишне агрессивных самцов. В небольших человеческих сообществах женщины не контролируют мужчин в той же сте-

пени, в какой это происходит у бонобо. Вместо этого люди прибегают к радикальному способу решения проблемы мужской агрессии: агрессивных мужчин убивают другие взрослые мужчины. В главах 7 и 8 я рассказываю, как человеческие сообщества используют казни, чтобы заставить строптивых мужчин подчиняться всеобщим нормам. Также я объясняю, почему, по моему мнению, именно самоодомашнивание, основанное на казнях в качестве движущей силы отбора, привело к снижению реактивной агрессии в начале существования *Homo sapiens*.

Если генетический отбор против реактивной агрессии и правда произошел с помощью самоодомашнивания, то поведение человека должно иметь и другие общие черты с поведением одомашненных животных, помимо сниженной агрессии. В главе 9 я обсуждаю эту идею. Я подчеркиваю, что в этом контексте человека не очень уместно сравнивать с человекообразными обезьянами, потому что со времени жизни нашего общего предка накопилось слишком много эволюционных изменений. Скорее человека нужно сравнивать с неандертальцами, которых, на мой взгляд, можно использовать в качестве модели наших предков, живших до появления *Homo sapiens*. В главе 9 я привожу обзор данных, указывающих на то, что у *Homo sapiens* была гораздо более развитая культура, чем у неандертальцев. Эта разница предположительно связана с тем, что агрессивность, свойственная их общим предкам, у *Homo sapiens* снизилась в большей степени, чем у неандертальцев.

Пониженная склонность к реактивной агрессии повышает способность к толерантной кооперации. Однако это не единственная причина социальной добродетели человека. Важнейшую роль также играет нравственность. В главе 10 мы попытаемся понять, почему нравственная чувствительность, возникшая в результате эволюции, часто заставляет людей бояться критики. Там я делаю вывод, что чувствительность к критике способствовала эволюционному успеху благодаря формированию того же нового социального явления, которое лежало в основе самоодомашнивания, – коалиций, готовых при необходимости осуществлять казни. Нравственные чувства наших предков помогали им соблюдать правила и не совершать преступлений, тем самым защищая их от казней.

Способность взрослых особей (в первую очередь мужчин) сообща организовывать смертные казни стала частью более крупной системы социального контроля, основанной на проактивной агрессии и характерной для всех человеческих сообществ. В главе 11 я рассуждаю о том, как поведение человека в этом отношении сходно с поведением шимпанзе, пусть и сильно превосходит его по сложности. Поскольку проактивная агрессия дополняет реактивную агрессию (а не замещает ее), проактивная, предумышленная агрессия может подвергаться воздействию положительного отбора одновременно с эволюционным подавлением импульсивной реактивной агрессии. Именно благодаря этому люди научились пользоваться неравенством сил для убийства конкретного противника. Это уникальное умение оказалось революционным. Оно привело к появлению в наших сообществах иерархических отношений, намного более деспотичных по сравнению с другими видами.

Одна из типичных и важнейших форм проактивной агрессии проявляется во время войн. Поэтому в главе 12 я покажу, как психология агрессии может влиять на способы ведения войны. Хотя современные войны гораздо более регламентированы, чем типичные межгрупповые столкновения в доисторических сообществах, важную роль в них играет как проактивная, так и реактивная агрессия, иногда помогая, а иногда и мешая достижению военных целей.

В главе 13 я обсуждаю парадокс: почему в человеческой жизни столь важны и добродетель, и жестокость. Разгадка этого парадокса не так проста и не так приятна, как нам бы хотелось: человека нельзя назвать ни хорошим, ни плохим. Мы эволюционировали в обоих направлениях одновременно. И толерантность, и жестокость стали адаптивными признаками, игравшими важнейшую роль в формировании современного человека. Идею, что человек по природе своей одновременно и добродетелен, и жесток, довольно трудно принять, ведь нам всем, пожалуй, хотелось бы простого объяснения. Фрэнсис Скотт Фицджеральд сформули-

ровал так: “Способность удерживать в сознании две противоположные идеи, ничуть этим не смущаясь, есть признак зрелого интеллекта”. “Мне приходится примирять противоречия... – писал он, – между мертвой рукой прошлого и высокими устремлениями будущего”². Мне нравится мысль Фицджеральда. Нравственные противоречия нашего эволюционного наследия не должны мешать нам трезво оценивать собственную сущность. И пока мы помним об этом, надежда еще остается⁸.

² Цит. по: Фрэнсис Скотт Фицджеральд. “Из записных книжек”. Перевод А. Зверева. В сборнике: *Фрэнсис Скотт Фицджеральд*, серия “Записные книжки”. М.: Вагриус, 2001.

Глава 1. Парадокс

Я начал задумываться о биологических основах пацифизма несколько десятков лет назад, когда жил в глухом уголке Демократической Республики Конго. Позже в Конго произойдет много страшных событий, но тогда, в 1980 году, когда наше с Элизабет Росс девятимесячное свадебное путешествие в лесу Итури только начиналось, все было спокойно.

Вместе с еще одной парой мы составляли исследовательскую группу. Нашей задачей было документировать жизнь сообществ, обитавших по соседству друг с другом: земледельцев лезе и охотников-собирателей эфе. Маленькие деревушки земледельцев лезе были разбросаны по всей широкой долине Итури, некоторые в двух днях пути друг от друга. Пигмеи эфе жили в той же долине. В голодные времена они селились на окраине какой-нибудь дружественной деревни, и женщины эфе работали в огородах лезе в обмен на кассаву, бананы или рис.

Мы жили в глиняной хижине, под крышей из пальмовых листьев, на отдельной полянке возле одной из деревень лезе. Мы не говорили на их основном языке, килезе, но нашего знания кингвана, одной из версий суахили, было достаточно для непринужденного общения. Люди Итури почти ничего не знали о внешнем мире. Их экономика была в основном бартерной. Ядерные бомбы, газировка, электричество – ничего этого в их мире не существовало.

Жилые помещения и эфе, и лезе были тесными и темными и в течение дня почти не использовались. Поэтому вся жизнь от рассвета до заката происходила на открытом воздухе, что для нас означало возможность целыми днями беспрепятственно наблюдать за их поведением. Мы ходили за ними по пятам, смотрели и слушали. Мы делили с ними пищу и участвовали в их занятиях. Как биолог, изучавший до этого поведение шимпанзе и наблюдавший их буйную агрессию по отношению друг к другу, я и здесь был готов к тому, что люди будут поминутно пускать в ход кулаки или хвататься за лук со стрелами. Я вырос в сонной британской провинции, где даже разговор на повышенных тонах был редкостью, не говоря уже о драке в общественном месте, и мне хотелось посмотреть, будет ли агрессия более выражена в этой глухой конголезской деревне.

Мы видели самые разные социальные взаимодействия, и это было замечательно. Однако в плане агрессии не происходило почти ничего интересного. Даже когда несколько десятков человек делили мясо убитого слона, все ограничивалось тем, что время от времени кто-то повышал голос. Однажды я встретил трех мужчин в набедренных повязках и в боевом облачении, направлявшихся в деревню, где жил старейшина. Они услышали, что их сестры-подростки оказались на празднике у родственников старейшины, и теперь спешили помешать разврату. Им удалось вызволить сестер без применения силы. Однажды нам рассказали про мужчину эфе, ударившего жену горящим бревном. Наверняка были еще какие-то случаи, скрытые за глиняными стенами хижин и пересудами. Но мы ни разу не видели телесных повреждений, которые не были бы вызваны несчастным случаем или болезнью.

Жизнь наших итурских товарищей была невероятно тяжелой. Питались они тем, что удалось вырастить, убить или найти в неплодородном лесу. Их постоянно преследовали голод, нищета, физический дискомфорт и неизлечимые болезни, притом что доступа к современной медицине у них практически не было. Культурные обычаи, казалось, делали их жизнь только тяжелее. Девочкам грубо скалывали края зубов – это считалось красивым. О бабушках и дедушках говорили, что они были каннибалами. На наших консервных банках с тушенкой были картинки с улыбающимися людьми, и лезе дразнили нас, говоря, что европейцы, которые едят тушенку, тоже каннибалы. На похоронах разгорались споры о ценности умершего: достаточно ли детей родила женщина, чтобы окупить свадебный выкуп из семи куриц? Даже самые простые неудачи они объясняли колдовством – вечным источником иррационального страха. Во многих отношениях Итури казалось местом, где можно ожидать чего угодно¹.

Однако если отвлечься от всех жизненных трудностей и безумных суеверий, по своей базовой психологии лезе и эфе были, в сущности, совершенно обыкновенными людьми. Нелепые предрассудки, бедность и странные медицинские практики принимали разные формы в деревнях Англии и Конго, но они существовали и там, и там. По большому счету люди Итури были удивительно похожи на сельских жителей моей родной Англии: они любили своих детей, ссорились из-за возлюбленных, сплетничали, искали союзников, боролись за власть, обменивались новостями, не доверяли чужакам, устраивали праздники, уважали ритуалы, жаловались на жизнь – и очень, очень редко вступали в драки.

Конечно, уровень насилия может меняться в зависимости от социального контекста. В Конго тогда было центральное правительство, и хотя люди Итури от него почти не зависели, они все же не были полностью изолированы. Может быть, миролюбивость лезе и эфе стала следствием облагораживающего влияния цивилизации, исходившего из далекой столицы Киншасы? Ведь была, например, полиция. Полицейскими в основном были мужчины, приходившиеся родственниками местным старостам. Они использовали свое положение не столько чтобы охранять закон, сколько чтобы эксплуатировать деревенских жителей.

В тех редких случаях, когда они совершали обход местности, происходило это так. В деревню являлись несколько полицейских, прошагавших до этого несколько часов пешком. Еды у них с собой никогда не было. Придравшись к какой-нибудь мелочи, они забирали у несчастного хозяина курицу в счет штрафа, той же ночью ее съедали и потом оставались жить до тех пор, пока у хозяина не кончалась еда. Такая повседневная коррупция, конечно, вызывала негодование у жителей, так что уважением полиция не пользовалась. И тем не менее можно предположить, что редкое присутствие полиции, связанной с государственным аппаратом, как-то сдерживало спонтанные проявления агрессии. Иными словами, что влияние современного общества снизило уровень агрессии у людей Итури.

Чтобы понять, сохраняется ли такая же кротость нравов в группах, по-настоящему независимых от каких бы то ни было правительственных органов, нужно найти сообщество, в котором нет ни полиции, ни армии, ни каких-то иных наделенных властью институтов принуждения.

Новая Гвинея – одно из немногих мест на земле, где сохранились небольшие сообщества, живущие в состоянии настоящей политической анархии и свободные от какого бы то ни было вмешательства со стороны государства. Такие культуры особенно интересны потому, что позволяют увидеть, как ведут себя люди, находящиеся под постоянной угрозой нападения соседних групп.

Антрополог Карл Хайдер посетил одно из таких сообществ. В марте 1961 года он на маленьком самолетике вылетел с северного побережья Новой Гвинеи, поднялся в воздух над внутренней частью острова, долетел до высокого горного хребта, нашел свободный от облаков перевал и увидел зеленую, широко раскинувшуюся Великую долину реки Балием. Этот затерянный мир еще в 1944 году открыли американские солдаты, совершившие здесь вынужденную посадку. Обнаружив в долине пятьдесят тысяч земледельцев дани, живущих как будто в каменном веке, они наивно назвали местность Шангри-Ла – в честь вымышленной долины, которую Джеймс Хилтон описал в своем романе-утопии 1933 года “Потерянный горизонт”. Однако кажущаяся безмятежность плодородной страны дани была обманчива. Это был вовсе не рай. Это был театр военных действий².

Частота убийств в племени дани оказалась одной из самых высоких в мире. Время от времени Хайдер видел, как небольшие группки мужчин собирались, чтобы устроить налет, напад из засады на ничего не подозревающую жертву. Иногда происходили сражения, и часто небольшие стычки на нейтральной территории между деревнями перерастали в настоящий хаос, унося до 125 жизней за раз. Чтобы почтить павших воинов, у девочек, которым зачастую

было не больше трех лет, отрезали палец, ведя таким образом зловещий подсчет погибших. Женщин, у которых были бы целы все пальцы, среди дани почти не было. Как показали данные, которые собрал Хайдер, если бы весь остальной мир жил подобно дани, то уровень смертности в результате военных действий, составивший в XX веке жуткие 100 миллионов, возрос бы до совсем уж невообразимых двух миллиардов³.

Тем не менее в качестве подзаголовка своей книги о дани Хайдер выбрал словосочетание “Мирные воины”, подчеркивающее важнейший парадокс человечества. Эпизоды кровопролития чередовались у дани с периодами спокойной повседневной жизни, и в эти периоды “Шангри-Ла” и правда было подходящим названием для Великой долины. Дани вели типичный для земледельцев размеренный образ жизни, выращивая свиней и корнеплоды. По словам Хайдера, они обладали сдержанным характером, мягкими манерами и редко злились. Это были миролюбивые, отзывчивые люди, и их жизнь была основана на взаимной зависимости и поддержке. В хижинах дани всегда текла неспешная беседа, прерываемая песнями и смехом. Их повседневное общение отличали сдержанность и уважение друг к другу. В периоды между войнами дани были во многих отношениях самыми обыкновенными деревенскими жителями, ведущими спокойную и полностью лишенную агрессии жизнь⁴.

Образ жизни дани, при котором мир внутри отдельных групп сочетался с уничтожением чужаков, оказался типичным для отдаленных горных районов Новой Гвинеи. Другая группа Новой Гвинеи, бактаматы, обитала в верховьях реки Флай. Все члены сообщества бактамамов жестко, часто с применением насилия, пресекали нарушение их границ. Территориальные конфликты были настолько ожесточенными, что на их долю приходилась треть всех смертей в сообществе. Однако в самих деревнях насилие строго контролировалось, и “убийство считалось немыслимым”⁵. Такая же картина наблюдалась и в бассейне реки Тагари, на востоке центральной части Папуа – Новой Гвинеи, где племя хули держало в страхе своих соседей, но не применяло насилия в своих деревнях⁶. Позже, с появлением миссионеров и государственной власти, жизнь всех этих новогвинейских племен стала стремительно меняться. Однако, прежде чем в их жизнь вмешалось правительство, эти племена успели пролить свет на нечто очень важное: даже люди, живущие в состоянии непрекращающейся войны, проводят четкую границу между “миром дома” и “войной вне дома”.

На свете есть всего несколько мест, где, как в Новой Гвинее, еще остались независимые от государства сообщества. Антрополог Наполеон Шаньон в течение 30 лет, с середины 1960-х годов, изучал изолированную популяцию людей яномамо в Венесуэле⁷. Там он обнаружил такой же резкий контраст. Несмотря на высокую частоту убийств во время конфликтов между деревнями, внутри деревень – хотя людей яномамо Шаньон описывал как “буйных” – семьи жили “очень безмятежно”, а вспышки агрессии в основном удавалось свести к церемониальным поединкам⁸.

Антропологи Ким Хилл и Магдалена Уртадо изучали межгрупповые конфликты среди охотников-собирателей аче в Парагвае вскоре после того, как одну из групп аче переселили в правительственную резервацию. Аче рассказывали, что раньше при виде чужаков они хватали лук и стрелы и стреляли без предупреждения. Все это было причиной высокой смертности. Однако за семнадцать лет наблюдений, в ходе которых Хилл и Уртадо часто проводили по несколько недель в лесу, не упуская группу из виду, не произошло ни одной драки⁹.

Ранее, в эпоху Великих географических открытий, европейские первооткрыватели сталкивались с аборигенными народами в разных частях света, включая обе Америки. Марк Лескарбо, адвокат, писатель и поэт, был одним из первопроходцев. В 1606–1607 годах он целый год прожил с индейцами микмак в Восточной Канаде. Он открыто писал об их так называемых пороках – чревоугодии, каннибализме, жестокости к пленникам, – но столь же честно описывал и их достоинства. Среди микмаков почти не случалось драк, писал он. “Что касается пра-

восудия, у них нет никаких законов... кроме данного им Природой – не грешить против своих ближних. И ссоры среди них происходят очень редко». Наблюдения Лескарбо оказали большое влияние на общественное сознание: в Англии XIX века стало популярным представление о “благородном дикаре”, олицетворяющем врожденную добродетель. Сегодня образ благородного дикаря часто связывают с Руссо, но сам Руссо никогда не употреблял этого выражения и в целом был далеко не так снисходителен к человечеству, как принято считать. Напротив, если верить истории развития концепции благородного дикаря, изложенной специалистом по музыкальной этнографии Тером Эллингсоном, представления Руссо о человеческой природе были настолько циничны, что сегодня его вряд ли отнесли бы к “руссоистам”!¹⁰

Лескарбо был не единственным, кого впечатлила миролюбивая жизнь внутри аборигенных сообществ. К концу XVII века, как писал Жильбер Шинар, “сотни путешественников упоминали добродетельность примитивных народов”. Вся эта “добродетельность”, однако, распространялась только на людей из того же сообщества¹¹. В 1929 году антрополог Морис Дэви привел следующее обобщенное описание жизни аборигенов, остающееся верным и сегодня: насколько они добры к членам своего сообщества, настолько жестоки они ко всем остальным.

Есть две системы морали, два набора нравственных норм, один для товарищей внутри группы, а другой для чужаков из других групп, и оба набора основаны на одних и тех же интересах. В отношениях с чужаками считается похвальным убивать, грабить, осуществлять кровную месть и красть женщин и рабов, но внутри своей группы ни одно из этих действий не разрешено, потому что они привели бы к разногласиям и ослабили бы всю группу. У сиу мужчина должен убить человека, чтобы стать воином, а у даяков – чтобы жениться. Однако, как писал Тайлор, “между собой сиу считают убийство преступлением, если только это не кровная месть, а у даяков убийство подлежит наказанию... Убийство врага в открытом бою считается праведным поступком. Более того, в основе многовековых законов лежит принцип, что убийство члена своего собственного рода и убийство чужака – это преступления совершенно разного порядка”¹².

Контраст между тем, как люди ведут себя на войне и дома, хорошо знаком солдатам в индустриальных странах. Гражданская война в Испании 1936 года была, как и любая война, чудовищной. Джордж Оруэлл участвовал в ней добровольцем и по выходным наблюдал ужасы передовой, а в рабочие дни возвращался домой к жене. Смена атмосферы была “резкой и ошеломляющей”. В Барселоне, которую от кровавой бойни отделяли всего несколько остановок на поезде, “улицы заполняли толстые мужчины, имеющие вид преуспевающих дельцов, элегантные женщины и роскошные автомобили”. В Таррагоне “жизнь модного приморского курорта продолжалась почти без изменений”¹³.

В лесу Итури, в высокогорьях Новой Гвинеи – повсюду в мире наблюдается одна и та же картина. Независимо от того, участвуют ли люди во внешних войнах, у себя дома они остаются необычайно миролюбивыми. Судя по всему, то, что я наблюдал в Конго, типично для нашего вида в целом.

С точки зрения сравнительного анализа уровень физической агрессии, которую человек проявляет “у себя дома”, довольно низок. Однако с точки зрения морали он все равно выше, чем хотелось бы большинству из нас. Специалист по эволюционной психологии Стивен Пинкер наряду с другими учеными показал, что за последнюю тысячу лет вероятность умереть насильственной смертью во многих странах снизилась. Мы все должны быть благодарны за

эту тенденцию. Несомненно, жизнь миллионов людей станет гораздо приятнее, если уровень насилия продолжит падать¹⁴.

Но с эволюционной точки зрения уровень физической агрессии в человеческом обществе уже сейчас на удивление низок. Пример шимпанзе, одного из двух ближайших родственников человека, позволяет ясно увидеть это в сравнении. Шимпанзе совсем не похожи на людей. Проведя день с шимпанзе, вы наверняка увидите, как одни животные гонят других, и услышите испуганные крики. Пробыв с ними месяц, вы с большой вероятностью заметите кровь и раны. Вместе с приматологами Мартином Мюллером и Майклом Уилсоном мы сравнивали обычную группу шимпанзе и крайне неблагополучную популяцию австралийских аборигенов, которые только недавно перестали вести образ жизни охотников-собирателей. В группе австралийских аборигенов наблюдался высочайший уровень физической агрессии, вызванный, судя по всему, социальной разобщенностью и алкоголизмом. Однако даже при сравнении с настолько проблемной группой людей шимпанзе оказались в сотни, если не в тысячи раз агрессивнее. Разница в частоте физической агрессии среди людей и шимпанзе колоссальна¹⁵.

Еще один наш ближайший родственник – это бонобо. Внешне похожие на шимпанзе, по сравнению с ними бонобо считаются, и не без оснований, очень миролюбивыми. Однако и они не лишены агрессии. Как показало недавнее долгосрочное полевое исследование, свободноживущие самцы бонобо примерно в два раза менее агрессивны, чем самцы шимпанзе, но зато самки бонобо более агрессивны, чем самки шимпанзе. Так что, хотя самцы бонобо и менее склонны к насилию, чем самцы шимпанзе, уровень агрессии у обоих видов все равно выше, чем у человека. В среднем частота физической агрессии среди людей составляет менее одного процента от частоты агрессии у любого из наших ближайших человекообразных родственников. В этом отношении мы и правда исключительно миролюбивые животные¹⁶.

Действительно ли люди настолько исключительно миролюбивы в пределах своих сообществ? Это утверждение требует тщательной проверки. В целом статистика агрессивных столкновений вроде бы дает однозначный ответ. Хотя новости о массовых расстрелах и появляются в США довольно регулярно, их частота все равно остается низкой по сравнению с уровнем насилия среди шимпанзе и бонобо. Допустим, это так. А как же домашнее насилие?

Даже среди знаменитых своим миролюбием охотников-собирателей из бушменского племени кунг в Ботсване (сегодня их чаще называют жуц'оанси) домашнее насилие встречается не так редко. Более того, вполне вероятно, что эта форма агрессии последовательно не включалась в отчеты. Ранние путешественники и антропологи были в основном мужчинами из патриархальных обществ. Кроме того, жен обычно бьют за закрытыми дверями, и антропологи могли об этом просто не знать. А раз уровень мужской агрессии по отношению к женщинам так высок, то не значит ли это, что человека вовсе нельзя считать таким уж неагрессивным в пределах домашних общин? Если сравнить уровень мужского насилия по отношению к женщинам у человека и других приматов, насколько жестоким окажется человек?¹⁷

Безусловно, насилие над женами – и в целом насилие по отношению к сексуальным партнерам – широко распространено среди людей. В 2005 году Всемирная организация здравоохранения опубликовала результаты международного исследования женского здоровья и домашнего насилия, в котором были проанализированы подробные данные от двадцати четырех тысяч женщин из десяти стран¹⁸. Физическое насилие со стороны партнеров включало шлепки, толчки, удары, пинки, таскание за волосы, удушение, нанесение ожогов и применение или угрозу применения оружия. В городах процент женщин, сообщавших о физическом насилии со стороны партнера, составил в среднем 31 %, от 13 % в Японии до 49 % в Перу. В сельских районах показатели были выше, в среднем 41 %. От 50 до 81 % случаев насилия со стороны партнера были признаны “жестокими”. В США эти показатели были немного ниже: по резуль-

татам более девяти тысяч подробных опросов, 24 % женщин рассказали, что подвергались жестокому насилию со стороны сексуального партнера¹⁹. Учитывая такие высокие показатели, неудивительно, что исследователи ВОЗ Кристина Паллитто и Клаудия Гарсиа-Морено сделали следующее заключение: «Очевидно, что необходимо предпринять новые усилия в ряде областей, как для того, чтобы предотвращать само возникновение насилия, так и для того, чтобы оказывать необходимую помощь женщинам, подвергающимся насилию»²⁰. Если добавить к физическому насилию сексуальное, картина получается еще мрачнее. Исследование ВОЗ 2013 года показало, что в 10 изученных странах доля женщин, испытывавших физическое или сексуальное насилие, составляет в среднем 41 % в городах и 51 % в сельской местности. В США аналогичный показатель составил 36 %²¹.

Поэтому, каким бы ужасным нам это ни казалось, трудно отрицать, что насилие над женщинами распространено по всему миру. От 41 до 71 % женщин хотя бы раз в жизни подвергались физическому насилию со стороны мужчин. Однако по сравнению с родственными нам видами животных эти показатели все равно остаются относительно низкими. 100 % взрослых самок шимпанзе подвергаются регулярному насилию со стороны самцов²². Даже среди бонобо, у которых самки, как правило, находятся выше самцов в иерархии, самцы часто нападают на самок. Изучая подгруппы бонобо, состоящие в среднем из девяти животных, приматолог Мартин Зурбек показал, что самцы атакуют самок в среднем раз в шесть дней²³. Если бы среди охотников-собирателей эфе и земледельцев лезе в конголезском лесу Итури частота насилия была сопоставимой с этими показателями, то за девять месяцев, что мы с Элизабет провели там, мы увидели бы, как мужья бьют жен (или хотя бы слышали рассказы об этом), несколько сотен раз. Но мы не видели подобного ни разу и только изредка слышали отдельные рассказы о побоях.

Мужская агрессия по отношению к женщинам, судя по всему, особенно распространена в небольших сообществах, где принято превозносить мужчин-воинов. Безусловно, существует немало горьких историй о том, как мужчины запугивают и травят женщин, например в племени самбия в Новой Гвинее²⁴ или яномамо в Венесуэле²⁵. Антропологи изучали оба племени в те периоды их истории, когда агрессивные столкновения между деревнями происходили особенно часто. Но опять-таки, хотя частота и степень агрессии по отношению к женщинам была так же высока, как, пожалуй, в любом другом человеческом сообществе в подобной ситуации, она меркла по сравнению с тем уровнем агрессии, который наблюдается среди наших человекообразных родственников. Неудивительно, что Элизабет Маршалл Томас назвала свою книгу о племени кунг «Безобидный народ», книга Джин Бриггс об инуитах была озаглавлена «Никогда не злиться», а Пол Мэлоун назвал свою книгу о племени пенан с острова Борнео «Мирные люди»²⁶.

Домашнее насилие ужасно, и относиться к нему нужно соответствующим образом. Но факт остается фактом: мы действительно менее агрессивны по сравнению с нашими ближайшими родственниками, даже с учетом повсеместно распространенного мужского насилия по отношению к женщинам.

Война, однако, – это совершенно другая история. События в Демократической Республике Конго хорошо иллюстрируют контраст между мирной домашней жизнью внутри общин и жестокостью по отношению к чужакам. После геноцида тутси в Руанде в 1994 году и прибытия в Конго повстанческих отрядов хуту лес Итури превратился в сплошное поле боя. В период между 1996 и 2008 годами люди Итури пережили Первую и Вторую конголезские войны. Жизнь в лесу стала настоящим кошмаром. Кочующие военные отряды пользовались своей властью, убивая и насилуя простых деревенских жителей. В лесу Итури и прилегающих

областях Восточного Конго было убито по меньшей мере 5 миллионов человек, и сотни тысяч женщин были изнасилованы²⁷.

Война может исчезать из жизни общества на десятки лет. Но когда она возвращается, уровень насилия, согласно статистике, превышает показатели, характерные для шимпанзе и любых других приматов. Лоуренс Кили показал, что в небольших сообществах, таких как группы охотников-собираателей или земледельцев, убийства в результате межгрупповых конфликтов происходят чаще, чем в популяциях приматов. Более того, частота убийств в таких межгрупповых конфликтах превышает показатели, зарегистрированные в России, Германии, Франции, Швеции и Японии в период с 1900 по 1990 год, когда эти страны понесли огромные потери в двух мировых войнах²⁸. У исследователей нет уверенности по поводу того, насколько точно данные Кили отражают долгосрочные средние показатели. Однако его данные определенно показывают, что частота межгрупповых убийств в небольших человеческих сообществах может достигать крайне неприятных значений²⁹.

Убийства и другие формы насилия встречаются вовсе не повсеместно, и их частота может сильно варьировать в разных сообществах и в разное время. Но общая тенденция остается неизменной: для человека, по сравнению с другими приматами, характерен исключительно низкий уровень насилия в повседневной жизни, однако исключительно высокий уровень насилия во время войны. Это противоречие и составляет суть парадокса добродетели.

Глава 2. Два типа агрессии

После Второй мировой войны встал важный вопрос: как контролировать излишнюю агрессию? В 1965 году физиолог Хосе Дельгадо, рискуя жизнью, продемонстрировал прорыв в этой области. В тот день Дельгадо вышел в одиночестве на арену для боя быков – без красного плаща, шпаги или хоть какого-нибудь средства самозащиты. Но при себе у него был радиопередатчик, а подготовился он к этому моменту с помощью хирургической операции. Его пациентом был взрослый “боевой бык”, порода, в которой специально поддерживают агрессивность и которая внушает страх даже самым отважным матадорам. Дельгадо вживил в мозг быка электрод: его конец он поместил точно на гипоталамус, а провода вывел на поверхность черепа. Кроме того, он заранее убедился, что может контролировать активность электрода с помощью радиосигнала.

И вот настал момент истины.

Быка выпустили на арену. Увидев Дельгадо, бык немедленно понесся на него. Видеозапись этих моментов можно посмотреть на *YouTube*. Хрипящий бык приближается. Дельгадо не двигается с места, что выглядит полным безумием. Он нажимает на кнопку.

Бык останавливается, Дельгадо поворачивается и уходит.

Эксперименты Дельгадо появились на волне энтузиазма, вызванного идеей, что склонность к насилию можно контролировать с помощью научных биологических методов. Дельгадо был нейробиологом и изучал агрессию животных. Он надеялся, что эксперименты, подобные опыту с боевым быком, найдут более широкое применение. Он мечтал о том, чтобы “психологически облагородить” людей с помощью “имплантируемых в мозг электродов, которыми можно было бы управлять дистанционно”¹. И хотя эта задумка не удалась, трюк Дельгадо с быком показывает, что уже в 1965 году в науке начало формироваться понимание нейронных основ агрессии. С тех пор мы узнали очень много нового.

Агрессивное поведение включает сложный и разнообразный комплекс биологических предрасположенностей и эмоций. Некоторые люди гораздо агрессивнее других. Выражают агрессию люди тоже по-разному. Одни склонны к провокациям, другие к пассивной агрессии, третьи к злословию. Разнообразие агрессии настолько велико, что в нем, казалось бы, просто невозможно выделить отдельные типы.

Тем не менее в 1960-х годах усилия множества ученых, пытавшихся нащупать природу агрессии, привели к появлению одной важной идеи. Агрессию, то есть поведение, направленное на причинение физического или психического вреда другому человеку, можно разделить на два главных типа. Они настолько отличаются по своим функциям и природе, что с эволюционной точки зрения их нужно рассматривать по отдельности. Я использую термины “про-активная агрессия” и “реактивная агрессия”, но тот же самый смысл можно передать и другими парами слов: холодная и горячая, наступательная и оборонительная, предумышленная и импульсивная. В основе всех этих противопоставлений лежит одно и то же фундаментальное различие².

Реактивная агрессия – это реакция на угрозу. Это тот тип агрессии, которую проявлял бык Дельгадо, и такая агрессия хорошо знакома большинству из нас. Ее легко увидеть на спортивных соревнованиях, когда игроки, потеряв самообладание, начинают кричать на судью или друг на друга. Этому типу агрессии всегда отводится важное место в учебниках по поведению животных, где его описывают на примере схваток бойцовых рыбок или гона благородных оленей. Он больше характерен для мужчин, чем для женщин, и ассоциирован с высоким уровнем тестостерона³. Большинство людей проявляют реактивную агрессию не так часто и не так ярко, как другие животные. Но бывают, к сожалению, и исключения. Вот один печальный пример.

В октябре 2015 года, в день своей смерти, шестнадцатилетний Бейли Гвинн вместе с другими подростками ел печенье в школе города Абердин в Шотландии. Один из мальчиков поменьше взял печенье, съел его и попросил еще. Гвинн не дал, обозвал мальчика жирной свиньей и отвернулся. “Твоя мать жирная сука”, – парировал обиженный подросток. Этого обмена оскорблениями оказалось достаточно. Гвинн повернулся и принял боевую стойку. Подростки начали молотить друг друга кулаками. Гвинн был крупнее и, обхватив противника рукой за шею, принялся бить его головой об стену. Мальчик поменьше выхватил ножик и ударил Гвинна в грудь. Гвинн упал без сознания.

Убийца был полон раскаяния. “Это я во всем виноват”, – сказал он директору школы, когда Гвинн лежал, истекая кровью. Гвинн умер через несколько минут. Когда на подростка надевали наручники, он сказал полиции: “Я просто вышел из себя”. “Я не хотел бить его ножом, – говорил он потом, – просто так получилось”. В суде его признали виновным в убийстве, совершенном в состоянии аффекта, и приговорили к девяти годам тюремного заключения⁴.

Мелкая перебранка в одно мгновение разгорелась в смертельную драку, противники даже не успели остановиться и подумать. Смерть Гвинна служит примером трагически неверной оценки соотношения затрат и выгод, типичной для вышедших из-под контроля “битв характеров” или “убийств чести”, классических форм реактивной агрессии в крайнем ее проявлении. “Битвы характеров” часто начинаются со словесной перепалки в баре. Двое мужчин, не очень хорошо контролирующих себя под воздействием алкоголя, начинают друг к другу цепляться. Они выходят на улицу “разобраться”, один из них выхватывает оружие, и внезапно перебранка превращается в нечто гораздо более серьезное. В 1958 году криминолог Марвин Вольфганг провел первое в истории масштабное исследование причин убийств в США. Он обнаружил, что за четырехлетний период в Филадельфии “битвы характеров” стали причиной 35 % всех убийств в городе, заняв первое место среди всех типов убийств. Сходные показатели были обнаружены и в других местах⁵.

Реактивную агрессию часто описывают как гневную, враждебную, импульсивную, аффективную или горячую. Она всегда ассоциирована с гневом и часто с потерей контроля или самообладания. Это ответ на провокацию: на предполагаемое оскорбление, стыд, физическую опасность или просто досаду. В состоянии крайнего возбуждения, типичного для реактивной агрессии, человек кидается на любого, кто подвернется под руку. Единственная цель того, кто находится во власти реактивной агрессии, – избавиться от провоцирующего стимула, то есть зачастую от обидчика⁶.

Точно так же, как люди различаются по склонности к реактивной агрессии, различаются и виды. Большинство животных, например шимпанзе и волки, более склонны к реактивной агрессии, чем человек. Особенности распространения реактивной агрессии широко изучались на животных. Наиболее часто она встречается у самцов, соперничающих за место в иерархии или право на спаривание. Как правило, стычки между самцами заканчиваются бескровно, но если ставки высоки, схватки могут быть очень серьезными. Как показало исследование поведения самцов вилорогих антилоп во время гона, 12 % конфликтов из-за права на спаривание с самками в эструсе заканчивались смертью одного или обоих самцов⁷. В разных популяциях благородных оленей от 13 до 29 % смертности среди самцов приходится на стычки во время гона. Исследований, подобных этому, немало. И все они показывают, что если бы человек был так же склонен к реактивной агрессии, как самцы копытных во время гона, то смертность в результате “битв характеров” среди американских мужчин составляла бы более сотни тысяч смертей в год – в то время как в реальности она составляет менее десяти тысяч смертей в год⁸.

Давайте сравним реактивную агрессию с хладнокровным преднамеренным насилием – таким, например, как убийство Мэтью Пайка, совершенное Давидом Хайссом. Хайсс жил в Германии, недалеко от Франкфурта и очень далеко от дома Пайка в Ноттингеме в Англии. Обоим было по двадцать с чем-то, когда в 2007 году они познакомились на игровом онлайн-форуме, который вела девушка Пайка Джоанна Уиттон. Хайсс влюбился в Джоанну и решил, что должен непременно с ней встретиться. В 2008 году Хайсс без предупреждения приехал домой к Джоанне и Пайку в Ноттингем, чтобы объявить о своей страсти. К несчастью для Хайсса, Джоанна и слышать о нем не хотела. Но так легко от Хайсса было не отделаться. Он остался в Англии еще на месяц, посылая Джоанне любовные записки и преследуя ее.

Через месяц Хайсс вернулся в Германию, но спустя еще несколько недель одержимость снова привела его в Ноттингем. Джоанна опять отвергла его, он опять уехал. В сентябре 2008 года Джоанна объявила, что собирается выйти замуж за Пайка. Это и стало триггером. Хайсс снова выехал из Германии в Ноттингем, но на сей раз он подготовил себе алиби, написал подложную предсмертную записку от имени Пайка и вооружился ножом. Он приехал к дому Джоанны и Пайка, дождался, пока Джоанна уйдет на работу, и позвонил в дверь. Как только Пайк открыл, Хайсс напал на него. Он нанес ему восемьдесят шесть ударов ножом. Умирая, Пайк написал имя убийцы своей кровью. Завоевать полового партнера Хайссу, конечно, таким способом не удалось. Его приговорили к тюремному заключению сроком минимум в восемнадцать лет. Однако в качестве стратегии по устранению соперника действия Хайсса оказались весьма успешными⁹.

Поступок Хайсса – классический пример проактивной агрессии. Проактивную агрессию также описывают как преднамеренную, хищническую, инструментальную или холодную. В отличие от реактивной агрессии, она представляет собой умышленное нападение, целью которого является внешняя или внутренняя награда, а не желание устранить источник страха или угрозу. Проактивная агрессия – это заранее спланированные действия профессионального убийцы, который направляет самолет в заполненное людьми здание или целенаправленно въезжает на арендованном грузовике в толпу невинных людей. Это тщательно продуманные действия того, кто устраивает массовый расстрел в школе. Во время самого акта проактивной агрессии выраженный гнев или другие эмоции присутствуют необязательно – хотя эмоции, конечно, играют важную роль в принятии решения. Более того, у проактивных убийц, как я покажу ниже, эмоции обычно выражены чрезвычайно сильно, судя по активности их мозга.

Целью преднамеренного насилия может быть что-то конкретное, например деньги, власть или любовь, или более абстрактное, например месть, самозащита или просто попытка сдержать обещание. Многое из того, что люди делают во время войны, спланировано заранее – скажем, внезапные налеты. Высокий уровень смертности во время войн говорит о том, что люди, как и шимпанзе, обладают повышенной предуготовленной агрессией по сравнению с большинством других видов. Мы хорошо умеем планировать, охотиться, совершать набеги и, когда этого хотим, убивать. Антрополог Сара Хрди приводила такой пример: если посадить в самолет несколько сотен шимпанзе, то там разразится кровавая бойня – однако большинство людей ведут себя вполне уравновешенно даже в условиях давки. Но при этом, как отмечает Дейл Питерсон, перед посадкой на самолет пассажиров приходится старательно просвечивать, чтобы убедиться, что тайный злоумышленник не пытается пронести на борт взрывчатку. Этот контраст хорошо иллюстрирует разницу между пониженной склонностью человека к реактивной агрессии и повышенной склонностью к проактивной¹⁰.

В тех случаях, когда насильственное действие преступно, нарушитель иногда оказывается психически больным человеком. Воспаленный мозг Хайсса, судя по всему, считал, что совершает убийство, чтобы завоевать Джоанну Уиттон или, может быть, наказать ее за неверный выбор. Чаще всего, однако, убийца по формальным признакам психически здоров. И неудивительно, ведь проактивная агрессия требует когнитивных процессов высокого уровня,

включая разработку детального плана и умение ему следовать, а также способность фокусироваться на одной цели. Такое поведение работает по принципу положительной обратной связи: оно доставляет убийце удовольствие само по себе, а не просто служит для устранения отрицательного раздражителя. В основе проактивной агрессии могут лежать самые разные мотивирующие факторы: желание денег, власти или контроля либо садистские фантазии, зачастую совершенно невообразимые для обычных людей¹¹. Но важно, что успешные агрессоры начинают действовать только тогда, когда они уверены, что вероятность успеха достаточно высока, а цена усилий достаточно низка¹².

Для людей с относительно высокой склонностью к проактивной агрессии характерен набор определенных социальных эмоций. Как правило, такие люди обладают пониженной социальной чувствительностью, испытывают меньше эмпатии к своим жертвам и менее склонны к раскаянию.

Соотношение количества проактивных и реактивных убийств (вне военного времени) изучено не очень хорошо, но в целом реактивные убийства случаются чаще. Как показал Марвин Вольфганг, 35 % убийств в Филадельфии происходят в результате “битв характеров”. При этом, как заключает Вольфганг вместе с криминологом Франко Ферракути, “судя по всему, менее 5 % всех известных убийств являются преднамеренными, заранее спланированными и преднамеренными”¹³. В сумме получается всего 40 %, и неясно, какая доля из оставшихся 60 % приходится на проактивные или реактивные убийства. Неклассифицированные убийства попадают в категории “домашних ссор” (14 %), “убийств на почве ревности” (12 %) или “убийств из-за денег” (11 %)¹⁴. Безусловно, какая-то часть убийств из этих оставшихся 60 % относится к проактивным, потому что вызвана желанием мести. Криминолог Фиона Брукман показала, что месть служила мотивирующим фактором 34 % убийств в Великобритании, когда и убийца, и жертва были мужчинами, а поскольку месть всегда требует определенного планирования, эти убийства можно назвать проактивными¹⁵. Есть и вторая причина, по которой показатель в 5 %, скорее всего, остается заниженным: поскольку проактивные убийцы обычно долго и осторожно планируют свои действия, им, вероятно, часто удается скрыть преступление. По данным Федерального бюро расследований США, по меньшей мере 35 % убийств в США никогда не доходят до суда. Таким образом, проактивные убийства, скорее всего, происходят чаще чем в 5 % случаев¹⁶.

Тем не менее специалист по эволюционной биологии Йохан ван дер Деннен показал, что именно реактивная, а не проактивная агрессия лежит в основе большинства убийств. Исследование преступлений в семнадцати городах США подкрепило данные Вольфганга по Филадельфии, показав, что причиной большинства убийств становятся мелкие ссоры: “Судя по всему, перебранки служат главным мотивирующим фактором как в этом, так и в предыдущих исследованиях”¹⁷. “Битвы характеров” снова оказались частой причиной убийств. Говоря словами одного следователя по убийствам из Далласа: “Люди выходят из себя. Начинается драка, кто-то выхватывает нож или пистолет. У меня были дела, в которых фигуранты ссорились из-за десятицентовой песни в музыкальном автомате или из-за долга в один доллар в настольной игре”. Связано ли преобладание импульсивных убийств с доступностью современного оружия – например пистолетов? Судя по всему, нет: в Оксфорде XIII и XIV веков, как отмечает ван дер Деннен, большинство убийств тоже были спонтанными¹⁸.

У проактивных и реактивных убийств разные причины. Поскольку проактивные убийства совершаются преднамеренно, их легче понять. Как демонстрирует случай Давида Хайсса, у проактивного убийцы всегда есть определенная цель, которая ему самому кажется полностью осмысленной, пусть даже на самом деле он и заблуждается. Реактивные убийства объяснить сложнее, потому что сила агрессии часто совершенно непропорциональна поводу, а само убий-

ство нередко оказывается случайным. Убийца обычно испытывает раскаяние, часто он попадает под арест и несет наказание, как это случилось с юным убийцей Бейли Гвинна. Специалисты по эволюционной психологии Марго Уилсон и Мартин Дейли считают, что большинство убийств, происходящих в результате мелких ссор, связаны с желанием поддержать свой статус – желанием, которое было бы вполне адаптивным в мире без алкоголя и современного оружия. В наши дни, однако, это стремление перестало быть адаптивным, потому что из-за него агрессор часто становится убийцей¹⁹. Криминологи Кеннет Полк и Фиона Брукман подчеркивают, что драки из-за статуса особенно часто происходят среди неквалифицированных рабочих и бедных слоев населения: поскольку материальных ресурсов у таких людей почти нет, вопросам чести они придают повышенное значение. Также Дейли и Уилсон показали, что реактивная агрессия чаще встречается в популяциях с высоким уровнем имущественного неравенства²⁰. Кроме того, считается, что реактивная агрессия легче вспыхивает в обществах с так называемой культурой чести, где понятию чести по культурным причинам придается большое значение – как, например, на Юге США²¹. Таким образом, хотя на частоту реактивной агрессии влияет множество экономических и культурных факторов, в результате такой агрессии, как правило, проигравшими оказываются как убийца, так и жертва. А это позволяет предположить, что подобные убийства чаще всего представляют собой просто вышедшие из-под контроля драки. Однако даже в тех случаях, когда смертельный исход случаен, интенсивность, которой могут достигать реактивные драки, показывает, какую важную роль в человеческом обществе играют честь и уважение.

Реактивная и проактивная агрессия отличаются не только частотой, но и отношением к ним общества и закона. Поскольку проактивная агрессия подразумевает осознанный выбор, мы склонны судить виновных в ней строже, чем тех, кто совершил акт реактивной агрессии. Вспомним, к примеру, Уильяма Пенна, прославленного квакера. Когда Пенн основал Пенсильванию в 1682 году, он был пацифистом и противником смертной казни. Но при всей своей гуманности даже он считал, что проактивное убийство заслуживает высшей меры наказания. Согласно изданным им проектам конституции Пенсильвании 1682 и 1683 года, “если любой человек... осознанно или предумышленно убьет другого человека... то такой человек должен, согласно Закону Божьему, быть казнен”²².

Именно хладнокровное планирование делает убийство таким чудовищным. Во время дебатов по поводу конституции в 1705 году генеральный прокурор Пенна настаивал, что убийства, совершенные без предварительного планирования, должны быть менее строго наказуемы. Он считал, что смертной казнью следует карать только заранее спланированные убийства:

Закон об убийстве, по которому каждый, кто осознанно или предумышленно убил другого человека... должен быть казнен, я считаю неблагоприятным, поскольку осознанное убийство может быть результатом внезапной ссоры, и, следовательно, закон должен звучать как “осознанно и предумышленно”, а не “осознанно или предумышленно”²³.

Королева Анна согласилась с этим рассуждением, и соответствующий закон был принят. В течение некоторого времени преступников приговаривали к смертной казни, только если убийства были заранее спланированы.

Убийства, совершенные под влиянием вспышки гнева, считались более простительными. Предъявленное обвинение в умышленном убийстве могли смягчить до обвинения в убийстве, совершенном в состоянии аффекта, если удавалось доказать, что во время преступления

убийца потерял контроль над собой в результате “достаточной по силе” провокации – например, если он обнаружил измену супруга или супруги или узнал о том, что его ребенок подвергся сексуальному насилию. К реактивной агрессии, вспыхнувшей в результате таких провокаций, относились настолько сочувственно, что в отдельных случаях преступника даже могли полностью оправдать.

Возьмем случай Эдварда Мейбриджа. В 1874 году он был известным фотографом, недавно женившимся на женщине на двадцать один год моложе, Флоре Шеллкресс Стоун. Мейбриджу принадлежит множество новаторских изобретений, в том числе система, позволяющая фотографировать движения животных, например бегущих лошадей. Он часто путешествовал по рабочим делам, и во время этих отлучек его жену иногда сопровождал в свет молодой и энергичный театральный критик, майор Гарри Ларкинс. Однажды, будучи в гостях у акушерки Флоры, Мейбридж заметил у нее фотографию их с Флорой маленького сына. Перевернув ее, он увидел подпись “Маленький Гарри”, сделанную рукой Флоры. Мейбридж пришел в ярость и потребовал от акушерки все ему рассказать. Той пришлось показать ему любовные письма Флоры к Ларкинсу.

На следующий день Мейбридж приступил к разработке плана. Сначала вместе со своим партнером он привел в порядок рабочие дела. Потом он выехал из Сан-Франциско, сел на паром, затем на поезд, потом проехал восемь миль на старой телеге, запряженной лошадью, и наконец добрался до ранчо в долине Напа, где гостил Ларкинс. Мейбридж постучал в дверь и попросил вызвать Ларкинса. Когда тот вышел, Мейбридж, как рассказывают, объявил ему: “Добрый вечер, майор, меня зовут Мейбридж, и я привез вам ответ на письмо, которое вы послали моей жене”. Он выстрелил в Ларкинса из шестизарядного револьвера “смит-и-вессон” второй модели. Ларкинс умер на месте. Во время суда Мейбридж настаивал на своей невменяемости, но его собственные показания ясно говорили о том, что все его действия были четко спланированы, и судья не сомневался, какой приговор вынести. Объявив, что преступление было преднамеренным, а обвиняемый вменяемым, судья попросил суд присяжных признать Мейбриджа виновным в преднамеренном убийстве.

Присяжные, однако, не вняли указаниям судьи. Они рассудили, что преступление, которое совершил Мейбридж, было неконтролируемой реакцией на сильные эмоции, вызванные предположением об измене жены. Поэтому они признали его виновным только в убийстве при смягчающих вину обстоятельствах и оправдали. Мейбриджа освободили прямо в зале суда. Здание он покидал под одобрительные возгласы. Реактивная агрессия – а именно так общество классифицировало преступление Мейбриджа – заслуживала, по мнению публики, прощения. Мейбриджу повезло родиться тогда, а не сейчас: сегодня судебная система уже не так великодушна. Считается, что Мейбридж был последним счастливчиком в Калифорнии, которого отпустили на свободу, признав виновным в убийстве при оправдывающих обстоятельствах²⁴.

Противостояние судьи и присяжных в деле Мейбриджа показывает, как трудно бывает понять, какая агрессия лежит в основе преступления: проактивная или реактивная. В настоящее время в судебной системе США применяют четыре критерия, согласно которым убийство можно классифицировать как простое осознанное убийство (основанное на реактивной агрессии), а не тяжкое преднамеренное убийство (основанное на проактивной агрессии), хотя эти критерии и допускают различные интерпретации³.

(1) Убийству предшествовала достаточно сильная провокация. (2) Обвиняемый действительно был спровоцирован.

³ В американском праве убийство (*homicide*) делится на категории тяжкого, или преднамеренного, убийства (*murder*) и простого, или непреднамеренного, убийства (*manslaughter*). Вторая категория, в свою очередь, включает осознанные убийства, или убийства, совершенные в состоянии аффекта (*voluntary manslaughter*), и неосознанные убийства, или убийства по неосторожности (*involuntary manslaughter*). (Прим. перев.)

(3) Спровоцированный таким образом человек не мог успеть успокоиться за время, прошедшее с момента провокации до нанесения смертельного удара.

(4) Обвиняемый действительно не успел успокоиться за это время²⁵.

Слова, казалось бы, понятные, но значение их зависит от субъективной оценки. С какого момента провокация становится “достаточно сильной”? Кто-то скажет, что новость об измене партнера – провокация достаточная, чтобы убить соперника. Именно так решили присяжные в деле Мейбриджа. Но другие могут с этим не согласиться. Насколько кратким должен быть промежуток между провокацией и убийством, чтобы убийца не успел успокоиться? Как пишут психологи Брэд Бушман и Крэйг Андерсон, в некоторых штатах США убийство считается предумышленным, “если убийца заранее обдумывал преступление в течение хотя бы “нескольких секунд”. Таким образом, жертва изнасилования, убившая насильника непосредственно во время акта, будет считаться более достойной оправдания, чем та, которая сделала это минутой позже. А жертву, совершившую убийство на следующий день, скорее всего, обвинят в предумышленном убийстве. Такое преступление будет наказано строже, потому что его сочтут более обдуманным. Хотя закон уже давно признал роль свободного выбора в совершении предумышленного убийства, он все еще не нашел универсального способа отличать предумышленное убийство от убийства, совершенного в состоянии аффекта, – или, если пользоваться терминологией этой книги, проактивную агрессию от реактивной²⁶.

Хотя и закон, и общество уже давно признали, что есть принципиальная разница между умышленным преступлением и реакцией на провокацию, границу между ними провести все-таки непросто. Возможно, этим и объясняется распространенное мнение, что агрессия по сути своей всегда одинакова и отличается только по силе: слабая или сильная. Чтобы отыскать различия между проактивной и реактивной агрессией, потребовались совместные усилия ученых из самых разных областей. В середине XX века поиском границы между проактивной и реактивной агрессией занимались специалисты по детскому развитию, криминологии, клинической психологии и поведению животных. К 1993 году, когда психолог Леонард Беркович подвел итоги всех этих исследований в книге “Агрессия. Причины, последствия и контроль”, двойственная природа агрессии наконец-то стала понятна²⁷.

Беркович обозначил типы агрессии как “реактивная” и “инструментальная” и применял эти термины по отношению ко всем типам конфликтов, а не только убийств. Парные термины “реактивная” и “проактивная” впервые были использованы для обозначения типов агрессии в исследовании по детской психологии 1980 года. Реактивная агрессия – это сиюминутный ответ на непосредственную угрозу, включающий злость и/или страх. Ответ начинается с возбуждения симпатической нервной системы, которая запускает реакцию “бей или беги”: в кровь выделяется адреналин, сердце начинает биться быстрее, организм мобилизует запасы глюкозы, зрачки расширяются, во рту становится сухо, а второстепенные процессы вроде пищеварения замедляются. Проактивной агрессии, напротив, не предшествует реакция возбуждения, ведь никакой непосредственной угрозы, на которую надо реагировать, нет. Для проактивной агрессии характерно наличие тщательно продуманного плана и зачастую отсутствие эмоций во время совершения самого преступления²⁸.

Разделение проактивной и реактивной агрессии важно в криминалистике. Оно позволяет понять, что лежит в основе самых разных типов поведения, от детской агрессии до убийств (включая убийства на сексуальной почве и массовые убийства), навязчивого преследования и домашнего насилия. По данным психолога Рида Мелоя, большинство случаев домашнего насилия легко классифицируются как подавляющие (проактивные) или импульсивные (реактивные). Подавляющие партнеры обычно более жестоки в целом, более склонны к доминированию

и контроль и чаще применяют насилие, особенно когда супруги им возражают. Импульсивные личности, напротив, с большей вероятностью выйдут из себя, если партнер попытается избежать ссоры. Понимание этих различий помогает выделить факторы риска физической агрессии, выявить тех, кто склонен к повторному насилию, и назначить правильное лечение для управления агрессией²⁹.

Таким образом, изучение биологических механизмов важно для понимания разницы между проактивной и реактивной агрессией. Исследования биологических основ агрессии в основном проводят на убийцах. В 1994 году нейрокриминолог Эдриан Рейн провел первое исследование мозговой активности осужденных убийц, чтобы понять, отличается ли она в зависимости от того, было убийство проактивным или реактивным. Рейна поразило, насколько разными оказались убийцы. Рэнди Крафт был компьютерным консультантом с IQ 129. Он насиловал и убивал молодых мужчин в течение 12 лет, вплоть до 1983 года, подмешивая им наркотики и избавляясь потом от тел. Он действовал настолько внимательно и осторожно, что успел убить, как считается, минимум шестьдесят четыре человека, прежде чем его случайно задержали за вождение в нетрезвом виде. Крафт соответствует “проактивному” типу убийцы. Антонио Бустаменте был мелким преступником. Он обладал импульсивным нравом, и когда во время очередного ограбления его застиг врасплох восьмидесятилетний старик, Бустаменте до смерти забил его кулаками. Действия Бустаменте были неорганизованными и неэффективными. Когда он попытался обналичить украденные чеки, на них оставалась кровь, и даже его одежда была в крови, когда его задерживали. Незапланированное убийство, которое совершил Бустаменте, было, безусловно, результатом вспышки реактивной агрессии³⁰.

Поиски особенностей мозга, лежащих в основе различий между проактивными и реактивными убийствами, Рейн сосредоточил на префронтальной коре головного мозга. Кора головного мозга представляет собой тонкий, всего в три миллиметра толщиной, слой ткани на поверхности мозга, образующий множество складок и борозд. Она участвует в осуществлении высших когнитивных функций, таких как мышление и сознание. Часть коры, находящаяся в передней области мозга, называется префронтальной. Префронтальная кора отвечает, в частности, за контроль эмоций – или, иными словами, за подавление их спонтанного выражения. Реактивная агрессия возникает, когда префронтальной коре не удается подавить эмоции страха или злости. Отсюда возникает вопрос, которым и задался Рейн: будет ли у импульсивных (реактивных) убийц, обычно плохо контролирующих свои эмоции, понижена нейронная активность префронтальной коры по сравнению с другими людьми? Рейн предполагал, что да³¹.

Рейн проводил исследования в тюрьмах Калифорнии с помощью метода позитронно-эмиссионной томографии. Метод позволяет оценить скорость, с которой разные участки мозга поглощают глюкозу, что, в свою очередь, показывает, насколько эти участки мозга активны. Он просканировал мозг сорока мужчин, обвиняемых в убийствах (хотя некоторые из них за время исследования были признаны невиновными). Чтобы классифицировать обвиняемых как проактивных или реактивных агрессоров, два сотрудника Рейна изучали истории судимости заключенных, их психологические и психиатрические характеристики, записи бесед с адвокатами, газетные публикации и медицинские карты.

В одном отношении реактивные и проактивные убийства оказались неразличимыми. По сравнению с никогда не убивавшими людьми у всех обвиняемых в убийстве наблюдалась повышенная активность подкорковых структур мозга – в том числе лимбической системы, которая обрабатывает эмоциональные реакции. Это указывало на то, что все обвиняемые в убийстве склонны к особенно сильным эмоциям. В остальном, однако, мозг проактивных и реактивных убийц различался – как и предполагал Рейн. У реактивных убийц была менее активна префронтальная кора – ингибиторный участок мозга. Это наблюдение помогает понять, почему

некоторые люди более склонны к импульсивным преступлениям: им труднее контролировать себя.

Рейн собирал свои данные спустя долгое время после того, как убийства были совершены. А значит, те различия в активности мозга, которые он обнаружил, нельзя было объяснить возбуждением от самого акта преступления. Эти различия отражали уровни мозговой активности, характерные для конкретных людей. Некоторые люди действительно оказались более эмоционально реактивными, чем другие.

Последующие исследования на людях с диагностированной психопатией расширили наше понимание того, как кора головного мозга контролирует эмоции. В отличие от импульсивности, которая в основном ассоциирована с реактивной агрессией, психопатия скорее связана с проактивной агрессией. Поэтому, изучая психопатов, можно лучше понять те черты, которые способствуют проявлению проактивной агрессии³².

Психопатия встречается по всему миру. Согласно стандартной шкале оценки, разработанной психологом Робертом Хейром, существует двадцать признаков психопатии. В их числе – поверхностное обаяние, привычка врать, склонность к промискуитету и низкая терпимость к скуке. Психопатов не волнует, что думают и чувствуют другие. Из этого они могут извлекать выгоду – по крайней мере в краткосрочной перспективе, – ведь, несмотря на высокомерие, честолюбие и готовность обманывать, уверенность в себе нередко делает их привлекательными. Психопаты менее склонны к эмпатии, чем обычные люди, и, как правило, реже испытывают чувство вины или сожаления. Из-за этой своей неспособности думать о других они более склонны к агрессии. Ведь психопаты, как правило, стремятся во что бы то ни стало получить желаемое. Одним словом, психопаты – это эгоистичные, равнодушные к окружающим люди со смещенными моральными ориентирами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они часто становятся преступниками. Кроме того, большинство психопатов – мужчины³³.

Во время опроса в Великобритании психопатия была обнаружена у менее 1 % населения, что, скорее всего, примерно соответствует мировым показателям. Психопатия чаще встречается у мужчин и молодых людей, чем среди женщин и людей среднего или старшего возраста. Психопаты чаще других проявляют насилие. В Великобритании психопатия также ассоциирована с попытками самоубийства, судимостями, наркозависимостью, диссоциальным расстройством личности и отсутствием постоянного места жительства. Картина психопатии складывается из многих компонентов, и самым важным из них считается отсутствие совести³⁴.

Отвлечемся ненадолго от психопатов и посмотрим на разные виды животных, чтобы понять, какую функцию выполняет та часть мозга, которая отличает психопатов от других людей. Лимбическая система представляет собой набор небольших сообщающихся друг с другом подкорковых структур в глубине мозга, которые участвуют в выработке эмоциональных реакций: гнева, страха, тревоги и удовольствия. У диких млекопитающих лимбическая система обычно крупнее, чем у одомашненных, поскольку и эмоциональные реакции у них более сильные. В состав лимбической системы входят хорошо изученные миндалевидные тела, или миндалины, представляющие собой два участка мозга размером с миндальный орех. Известно, что увеличенные миндалевидные тела ассоциированы с усиленными реакциями страха и агрессии. Кроме того, увеличенные миндалевидные тела чаще встречаются у диких животных, чем у домашних³⁵.

Психопаты кажутся совершенно лишенными страха. Это хорошо согласуется с тем, что миндалевидные тела у них, как показывает томография головного мозга, часто уменьшены, деформированы и менее активны по сравнению с другими людьми. Низкая активность миндалевидных тел становится особенно заметной, когда психопатов ставят перед такими задачами,

как принятие нравственных решений, распознавание страха и социальная кооперация: психопаты обычно демонстрируют относительно слабую эмоциональную реакцию на те стимулы, которые у большинства людей вызывают эмпатию или страх. Слабая выраженность страха и эмпатии характерна для проактивной агрессии. Таким образом, весьма вероятно, что именно пониженная активность миндалевидных тел лежит в основе слабо выраженных реакций страха и эмпатии у некоторых людей. Это объясняет, по крайней мере отчасти, почему такие люди склонны к проактивной агрессии³⁶.

Нейробиология проактивной агрессии не очень хорошо изучена на людях, потому что провести этически приемлемые эксперименты на мозге не так-то просто. Однако недавно появился новый подход, открывающий замечательные перспективы. Группе ученых под руководством Франциски Дамбахер удалось понизить уровень агрессии у мужчин – подобно тому, как это делал Дельгадо в своем эксперименте с быками. Правда, Дамбахер, в отличие от Дельгадо, работала с проактивной, а не реактивной агрессией. К счастью, метод Дамбахер не требовал операций на мозге. Исследователи стимулировали активность нейронов определенного участка префронтальной коры (правой дорсолатеральной) с помощью нового метода под названием “анодная транскраниальная микрополяризация” (ТКМП). Испытуемых просили “стрелять” в воображаемых соперников звуковыми выстрелами и по громкости и длительности выстрелов оценивали их склонность к проактивной агрессии. Эксперимент показал, что у мужчин (но не у женщин) уровень проактивной агрессии заметно снижался под воздействием ТКМП³⁷.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.